

The image is a book cover. The left half features a vibrant, abstract painting in the style of Piet Mondrian, with a complex arrangement of overlapping geometric shapes in blue, yellow, red, and purple, set against a light background. The right half is a solid, deep red color. On this red background, the author's name is at the top, and the title is in the center. The publisher's name is written vertically on the far right edge.

Маттиас
Линдгрен

ОСНОВА
ФИЛОСОФИИ

А л е т е й я

Маттиас Линдгрен

Основа философии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36261092

Основа философии / М. Линдгрен: Алетейя; Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-906980-44-1

Аннотация

В книге впервые в истории философии рассматривается вопрос об основе выделения понятийных элементов. Автор доказывает, что судьба философии и науки зависит от понятийного выделения, и показывает скрытые пружины этой зависимости. «В самой основе философии лежит гносеологическое условие, подталкивающее философскую деятельность к экстравертности, чтобы избежать внутреннего паралича интравертного самоанализа, как в случае данного исследования. Другими словами, философии приходится совершать прогрессивное понятийное развертывание, чтобы не блуждать в поисках однозначного значения собственного выделенного, которое, подобно сокровищу у подножия радуги, все время отклоняется от точной фиксации». Книга адресована всем, кого волнуют вопросы понятийного выделения и оформления предмета своего интереса.

Содержание

Введение	4
Глава 1	13
§ 1.1 Основа выделения предмета	13
§ 1.2 Определение понятийного элемента	19
§ 1.2.1 Понятийная подлинность и роль коммуникации	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Маттиас Линдгрен

Основа философии

«Το γὰρ ἵχνηс του αμόρφου μορφή [...]»

«Ибо след того, что не имеет формы – форма [...]»

Плотин «Энеиды». Πλωτίνος, Εννεάδες, I 6.7, στ. 30–31

Эта книга посвящается моим дедушке и бабушке

Введение

Понятийным аппаратом является ядро концептуализации мира, содержащееся в философских, научных и обыденных представлениях. Философские положения фиксируются, сообщаются и интерпретируются посредством понятийного аппарата, который, в свою очередь, образуется на почве выделения понятийных структур, на которых, в конечном итоге, зиждется истинность философских положений.

Историю классической западной философии можно вкратце описать как веру в дихотомию бытия, или говоря словами Ницше «Основное верование метафизиков есть *вера в противоположность ценностей*»¹. Мир раскалывает-

---

¹ Ницше Ф. Избр. произведения. «По ту сторону добра и зла». М., Сирин, 1990, с. 155.

ся, с одной стороны, на объективность, субстанцию, душевное, априорное, ноэтическое, цель, истинное и, с другой стороны, на акциденцию, телесное, апостериорное, ноэматическое, средство, ложное непроницаемой гранью фундаментальной раздвоенности нашего понятийного мира. Эта грань в силу последовательности значения взаимоотношений вышеупомянутых основных понятий не может иметь границ.

Можно также уподобить историю западной философии матрешке, внутреннее ядро которой является предметом данного исследования – *вопрос об основе выделения понятийных элементов*, который, насколько нам известно, до сих пор не подвергался систематическому философскому анализу. Как при разборе матрешки, здесь история западной философии начинается с внешнего слоя, которым является вопрос о сущем – что есть бытие? чтобы дальше анализировать, как истина о сущем познается, и затем, как познанная истина о сущем высказывается и сообщается.

Краткое обобщение этапного развития основной эпистемологической проблематики представлено в следующей схеме:

Эпистемологический этап	Основной вопрос философской проблематики	Ключевое понятие
Традиционная метафизика	Что есть бытие?	Сущее
Теория познания	Как истина познается?	Представление
Философия языка	Как истина высказывается?	Высказывание
Анализ понятийных элементов*	Какова основа высказывания?	Выделение
* Название философских исканий автора данного произведения.		

Предметом данного исследования является тот факт, что наши представления основываются на понятийном выделении и его роль для формирования философии, а не фактический генезис и эволюция понятийных элементов, лежащих в основе концептуального мира. В этой связи следует понимать выделенный предмет в соответствии со следующим уточнением Витгенштейна: «Ich meine nun ein Ding, an das ich denke, nicht «das, was ich denke»<?>² (пер. с нем.: «Я имею в виду теперь ту вещь, о которой я думаю, а не ту, «которую я мыслю»).

Исходя из того, что «Ein neues Problem zu entdecken, ist wohl das wichtigste und schwierigste Schritt bei der Erarbeitung einer neuen Theorie»³ (пер. с нем.: «Самое важное и слож-

² Wittgenstein L. Werkausgabe Band 5, «Das blaue Buch», Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1984, S. 67.

³ Popper K. R. Eine Welt der Propensitäten, «Auf dem Weg zu einer evolutionären Theorie des Wissens». Tübingen, J. S. B Mohr (Paul Siebeck), 1995, S. 87.

ное при разработке новой теории – открыть новую проблему»), в основе постановки вопроса данного исследования лежит то неуловимое обстоятельство, что мы воспринимаем мир в качестве *различных явлений*. Имеется в виду не сложный когнитивно-физиологический механизм, обеспечивающий восприятие, а сам мир, являющийся предметом философского удивления и состоящий из взаимообуславливающих элементов, которые всегда носят понятийный характер, даже когда они вербально не обозначены, как например: часть окружающего ландшафта, некий запах или некое воспоминание. При этом одинаково невозможно обособить физический мир ощущений от когнитивной концептуализации и осуществить обратную операцию, поскольку мир – единая понятийная целость, не подлежащая обособлению при посредстве влияющих друг на друга субстанций.

Отправная точка здесь: «Nicht wie die Welt ist, ist das Mystische, sondern daß sie ist»⁴ (пер. с нем.: «Не как мир есть – таинственно, а то, что он есть»), но оказывается, что невозможно обособить «was» («что») от «wie» («как»): «Восприятие *нечто* не создано нашим жизненным опытом. Оно дано нам как-то иначе»⁵. «Was» предполагает «wie», без «wie» нет «was» в связи с тем, что нечто является именно *неким* в силу понятийной концептуализации, ос-

---

⁴ Wittgenstein L. Werkausgabe Band 1, «Tractatus logico-philosophicus», Frankfurt am Main. Suhrkamp. 1995, S. 84.

⁵ Бибихин В. В. Язык философии, СПб., Наука, 2007, с. 82.

новывающейся на смысле определенного смыслового контекста, в котором это некое «входило» (именно «входило» а не «входит», так как каждый смысловой контекст уникален и неповторим). Припоминанием некоего смыслового контекста уже является другой смысловой контекст и т. д.: «ἔστι μὲν γὰρ οὐδέν, ἀεὶ δὲ γίγνεται»⁶ (пер. с др. греч.: «Ничто никогда не есть, а всё всегда возникает») и «Keineswegs ist, wie die gewöhnliche Darstellung es annimmt, eine Erinnerung immer dieselbe Vorstellung, die gleichsam aus ihrem Behältnis wieder hervorgeholt wird, sondern jedesmal entsteht wirklich eine neue, nur mit besonderer Leichtigkeit durch die Übung: daher kommt es, daß Phantasmen, welche wir im Gedächtnis aufzubewahren glauben, eigentlich aber nur durch öftere Wiederholung üben, unvermerkt sich ändern, was wir innwerden, wenn wir einen alten bekannten Gegenstand nach langer Zeit Wiedersehen und er dem Bilde, das wir von ihm mitbringen, nicht vollkommen entspricht. Dies könnte nicht sein, wenn wir ganz fertige Vorstellungen aufbewahrten»⁷ (пер. с нем.: «Воспоминание отнюдь не есть, как обычно полагают, одно и то же представление, как бы извлеченное из хранилища; каждый раз действительно возникает новое представление, но благодаря упражнению – с особой легкостью;

---

⁶ Платон. Тезет. 152 В2 – Е1.

⁷ Schopenhauer. A. Sämtliche Werke, Kleinere Schriften, «Über die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde». Stuttgart/Frankfurt am Main, Cotta-Insel Verlag, 1962, S. 175.

поэтому фантастические образы, которые, как нам кажется, мы храним в памяти, а по существу, лишь повторяем частым упражнением, незаметно изменяются, и мы замечаем, когда вновь после долгого времени видим старый знакомый предмет, что он не вполне соответствует нашему прежнему образу. Это было бы невозможно, если бы мы хранили совершенно готовые представления»), в связи с тем, что *«понимание собственного воспоминания обусловлено нынешним воспоминанием предмета воспоминания»*. Наше нынешнее понимание нашего тогдашнего понимания неизбежно отличается от тогдашнего понимания»⁸. Суммируем, при посредстве Аристотеля [...] *«μεταβάλλωμεν τὴν διάνοιαν* – «мы изменяемся своей мыслью»⁹.

Соответственно, все явления оказываются в положении произведения, охарактеризованного следующим образом О. Беккером: *«Zeitlich angesehen ist das Werk nur in einem Augenblick, es ist „jetzt“ dies Werk und ist es schon jetzt nicht mehr!»*¹⁰ (пер. с нем.: «С временной точки зрения произведение существует только мгновение; «сейчас» оно именно это произведение, и вот уже его нет»).

Итак, «was» и «wie» являются аспектами необособляемо-

---

⁸ Линдгрен Вигенль М. С. Интенциональность как предельное основание философской рациональности. СПб. 2011, с. 75.

⁹ Бибихин В. В. Мир / Язык философии. СПб., Азбука, 2016, с. 95.

¹⁰ Becker O. Die Hinfälligkeit des Schönen und die Abenteuerlichkeit des Künstlers, Halle, Max Niemeyer Verlag, 1928, S. 51.

го онтологического единства. Соответственно, дело не обстоит так просто, что: «5.552 Die Logik ist *vor* jeder Erfahrung – daß etwas so ist. 5.553 Sie ist *vor* dem Wie, nicht *vor* dem Was»¹¹ (пер. с нем.: «5.552 Логика есть до всякого опыта – что нечто есть так. 5.553 Она есть до Как, но не до Что»).

Традиционное понятие «истины» требует наличия фиксированного понятийного мира, а пытаться раз и навсегда зафиксировать определенный смысловой контекст (который, соответственно, является условным фоном его образующих понятийных элементов), отграничивая его от других смысловых контекстов, так же невозможно, как определить количество отражений предмета, поставленного между двумя противоположными зеркалами. Подобное представление об однозначной истине вырастает на основе концептуализации реальности как отдельной сферы, которую можно вырезать для сравнительных операций с целью определить истинные положения: «2.223 Um zu erkennen, ob das Bild wahr oder falsch ist müssen wir es mit der Wirklichkeit vergleichen»¹² (пер. с нем.: «2.223 Чтобы узнать, истинна картина или ложна, мы должны соотнести ее с реальностью»).

Для нас, в этой связи, самое интересное – то, *что все понятийные элементы образуются вокруг некоего нечто, являющегося одновременно определенным и определяющим*

---

¹¹ Wittgenstein L. Werkausgabe Band I, «Tractatus logico-philosophicus», Frankfurt am Main. Suhrkamp. 1995, S. 17.

¹² Ibid. S. 17.

по отношению к остальным понятийным элементам, на фоне которых оно выделяется как таковое. Дело не только в том, что определение дается путем отрицания, как это, например, иллюстрируется у Флоренского: «[...] omnis determinatio est negatio»*(пер. с лат. «Всякое определение есть отрицание»), – чтобы выработать форму, чтобы дать предмету индивидуальность, determinatio, необходимо отрицать некоторую полноту. Познание – анализ, разложение, выделение; познаем вещь – как бы вырезая ножницами её периферию из окружающего пространства»¹³, но и в том, что при этом еще нужно определить некое положительное *нечто* в качестве самого предмета, которое определяется, отграничиваясь от всего остального.

Можно рассматривать русскую дейктическую приставку «не-» в качестве первопорядкового ориентира («**некий**», «**нечто**», «**некто**», «**негде**», «**некуда**», «**некогда**», «**несколько**»). Без «не-» нет мира, «не-» является основой мира, при том, что мир всегда является понятийным миром, то есть концептуальным миром. Итак, понятийный элемент – нечто выделенное, являющееся частью понятийного целого. Нашими понятиями (не только словесными) являются попытки фиксировать элементы мира. Определение явления предопределяется выделением понятийных элементов мира, подобно тому как: «Jedes Fragen ist ein Suchen. Jedes Suchen hat

---

¹³ Флоренский П. Иконостас / Имена, Иконостас, М., АСТ Москва, 2009,

sein vorgängiges Geleit aus dem Gesuchten her»¹⁴ (пер. с нем.: «Всякое спрашивание есть искание. Всякое искание имеет заранее свою направленность от искомого»).

Мысли, образующие базу данного исследования, – аспекты магистрального тезиса о необособляемости неповторяемых понятийных элементов, возникших на нашей заинтересованности и входящих в тот или иной смысловой контекст.

---

¹⁴ *Heidegger M. Sein und Zeit*, Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2006, S. 5.

Глава 1

Понятийное тождество

§ 1.1 Основа выделения предмета

Обязательным условием рациональной дискуссии является наличие понятий. А на основе чего возникает понятие? Является ли оно самопроизведением рациональной мысли? Чем отличается понятие от выделенного предмета? Возможны ли предмет без понятия и понятие без предмета? В этом разделе мы будем стремиться к созданию платформы для дальнейшего анализа, в рамках которого эти и сопряженные с ними вопросы будут рассмотрены более подробно в § 4.1.1.

Процитированное выше удивление Витгенштейна, вызванное самим наличием мира, углубляется в вопросе о том, как вообще возможен некий предмет (в широком смысле слова). В отличие от представления Канта о двух фундаментально инородных когнитивных аспектах концептуализации предмета: «Was an der Vorstellung eines Objekt bloß subjektiv ist, d. i. ihre Beziehung auf das Subjekt, nicht auf den Gegenstand, ausmacht, ist die ästhetische Beschaffenheit derselben, was aber an ihr zur Bestimmung des Gegenstands (zum Erkenntnis) dient, oder gebraucht werden kann, ist ihre

логическая Gültigkeit. In dem Erkenntnis eines Gegenstandes der Sinne kommen beide Beziehungen zusammen vor»¹⁵ (пер. с нем.: «То, что в представлении об объекте чисто субъективно, т. е. составляет отношение представления к субъекту, а не к предмету, есть эстетическое свойство этого представления, но то, что служит или может быть применено в нем для определения предмета (для познания), есть его логическая значимость. В познании предмета [внешних] чувств оба отношения появляются вместе»), так называемое «эстетическое свойство» не только отражает загадочную целесообразность предмета, но отражает, прежде всего, *конститутивное начало* последнего: «У всякой воли свой разум; одно без другого не бывает: волю можно уподобить пламени, а разум – свету от пламени»¹⁶.

Корнем предмета является «установка» (термин, обозначающий здесь единство симпатии и антипатии). Конкретным примером первичности установки по отношению ко все более сложным и более информативным представлениям являются те случаи, когда мы, услышав голос знакомого человека, первым делом испытываем некую симпатию или антипатию до того, как мы успели понять, что именно нам сказали. И так же обстоит дело, когда речь идет о письменных выражениях, осмысленных жестах и т. д. Даже если смысл сообщения воспринимающему недоступен, он не остается неза-

---

¹⁵ Kant I. Kritik der Urteilkraft. Leipzig, Felix Meiner Verlag, 1913, S. 26.

¹⁶ Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. СПб., Амфора, 2006, с. 33.

тронутом в плане установки в связи с тем, что в вопросе «Что?» уже заложен вопрос «Как?».

Установка является не просто выражением первичной реакции при получении информации, а исконным разделителем мира, стержнем всех дихотомий, вокруг которого вырастают все понятия.

Без установки мы вообще не могли бы различать или выделять отдельные явления мира и тогда весь мир исчез бы с наших глаз и растворился в бесконечном океане безразличия. В таком мраке, который можно называть «философской нирваной», не только не было бы приятного или неприятного, истины или лжи, добра или зла, красивого или дурного, – в нем вообще не было бы понятий о чем-либо, так как все отношения укореняются в установке. Без установки мы вообще не могли бы что-либо воспринимать. Без неё звук – не слышен, поле зрения – не видимо, ощущение – не ощутимо и т. д., так как их просто нет. О каком-то грубом простом материале, о субстрате, первичных качествах и тому подобном речь не может идти в связи с тем, что нет основы даже для самого элементарного выделения. «Высказывание замечания показывает, что ценности не только влияют на *применение* знания, они являются существенными ингредиентами *самого знания*», – справедливо отмечал Фейерабенд¹⁷.

Если рассматривать установку в качестве корня нашего

---

¹⁷ Фейерабенд П. Прощай, разум, «Заметки о релятивизме», М., АСТ, 2010, с. 39.

мира, можно согласиться с Шопенгауэром в том, что мир является объективацией воли, и с Ницше в том, что «Schätzen ist Schaffen: hört es, ihr Schaffenden! Schätzen selber ist aller geschätzten Dinge Schatz und Kleinod. Durch das Schätzen erst giebt es Werth: und ohne das Schätzen wäre die Nuss des Daseins hohl»¹⁸ (пер. с нем.: «Оценивать – значит созидать: слушайте, вы, созидающие! Оценивать – это драгоценность и сокровище среди всех оцененных вещей. Только благодаря оценке существует ценность, а без оценки – зерно существования было бы пусто»), и с тем, что «Aber alles Leben ist Streit um Geschmack und Schmecken! Geschmack: das ist Gewicht zugleich und Wagschale und Wägender; und wehe allem Lebendigen, das ohne Streit um Gewicht und Wagschale und Wägende leben wollte!»¹⁹ (пер. с нем.: «Вся жизнь есть не что иное, как спор о вкусе и о том, что вкусно. Вкус является в одно и то же время и гирей и чашей, и весами и весовщиком»). Сходная мысль сформулирована и Витгенштейном: «Bedeutung bekommen die Dinge erst durch ihr Verhältnis zu meinem Willen»²⁰ (пер. с нем.: «Вещи получают значение только через отношения к моей воле»). Приятное или неприятное не сопровождают переживание, а являются его

---

¹⁸ Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. Naumann, Leipzig 1891, S. 48.

¹⁹ Ibid, S. 92.

²⁰ Wittgenstein L. «Tagebücher 1914–1916», Werkausgabe Band I. Frankfurt am Main. Suhrkamp. 1995, S. 179.

корнями, без которых переживание не переживается. Известное гносеологическое кредо Спинозы: «Non ridere, non lugere, neque detestari – sed intelligere (пер. с лат.: «Не смеяться, не плакать, не проклинять, а понимать») уступает реальному положению дел, которое, аналогичным образом, можно было сформулировать как: «Intelligere, ridens, lugens et detestans» (пер. с лат.: «Понимать – смеясь, плача, проклиная»).

Далее, следующие слова Юма хорошо иллюстрируют наше знание о причинах выражений установки: «The very feel constitutes our praise or admiration. We go no further; nor do we enquire into the cause of the satisfaction»²¹ (пер. с англ.: «В нашем чувстве и заключается наша похвала или восхищение. Дальше мы не идем и о причине не спрашиваем»). Вместо ответа, раскрывающего причину того, почему нам что-то нравится или нет, мы можем только указать на различные обстоятельства, сопровождающие предмет установки. Объяснение, которое будет иметь причинный характер по отношению к установке, является определением *post hoc*. Иносказательно, мы достигли дна объяснения, констатируя, что что-то нравится или не нравится, и можем только иллюстрировать, *в связи с чем* дело обстоит именно так, а не *от(-)чего*. В качестве ответа мы можем еще уточнить область установки, то есть дать ее более точное определение. Причина, поче-

---

²¹ Hume D. Treaties of human nature, Book III. Prometheus Books. New York. 1992, p. 471.

му кто-то, например, водит машину, требует другого объяснения, чем уточнение модели машины, ее технического описания и т. п.

§ 1.2 Определение понятийного элемента

Предметом данного исследования является основа понятийного аппарата, обуславливающего философский дискурс. Корни проблематики коммуникативности рациональных выражений глубоко сращены с вопросом выделения понятийных элементов, лежащих в основе языковых высказываний. Под «понятийным элементом» здесь имеется в виду концептуальное нечто, при выделении которого можно образовать понятийное выражение.

Понятийный элемент можно было бы рассматривать в качестве сущности понятия, его фундаментального ядра. В этом случае понятийный элемент образовывал бы понятие понятия, что ведет мысль к элементарным пропозициям раннего Витгенштейна: «Но коль скоро структура выявлена, анализ, набирая обороты, обязан спросить: что за этой структурой? За спиной одной встает другая, более элементарная, пока исследователь не придет к такой, которая по своей простоте уже не структура, а нераздельное единство»²².

Понятия можно делить на словесные и концептуальные. Лишь первые могут являться предметом коммуникативной

---

²² Бибихин В. В. Язык философии, СПб., Наука, 2007, с. 27.

передаваемо-сти. Поэтому в процессе создания словесной формы и интерпретации сообщенного словесного понятия наше понимание отталкивается от области первых. Дискурс о концептуальном понятии возможен только через использование словесных понятий в качестве формы и инструмента его проведения. Получается, что словесным понятием является внешняя сторона концептуальности.

Можно себе представить, что определенное вербальное высказывание составляет лишь часть определенной мысли и что определенное письменное выражение составляет лишь часть определенного вербального высказывания, при том что уровень понятийной объективности возрастает по мере сужения понятийного поля, начиная с мысли и заканчивая письменным выражением. В качестве иллюстрации такого соотношения приведём следующую схему:

Данное представление является, однако, ошибочным из-за того, что оно пренебрегает неизбежной ролью неповторимой понятийной концептуализации при интерпретации словесных понятий. Дело в том, что вербальное высказывание и письменное выражение не являются раз и навсегда данными понятийными полями, а интерпретируются *мыслью*, как мыслью о вербальном высказывании мысли, и мыслью о письменном выражении мысли, при том что понятийная определенность, двигаясь от концептуального понятия до письменного выражения концептуального понятия, не возрастает. Все эти три понятийных поля составляют не две части внутри одной всеобъемлющей мысли, а образуют три разные понятийные сферы, номинально объединенные одной мыслью, что иллюстрируется следующей схемой:

Получается, что объект мысли – неотделимое от идеи содержание («ideatum» на языке Спинозы²³).

Итак, выражение должно не только отражать отношения между реальными обстоятельствами, а еще и соответствовать более сложной картине актуальных обстоятельств сообщающего субъекта и восприятию изначальных интендированных обстоятельств у того, кому они сообщаются первым субъектом. Вышеизложенная картина гораздо сложнее,

²³ «Idea vera (habemus enim ideam veram) est diversum quid a suo ideato. Nam aliud est circulus, aliud idea circuli» (пер. с лат.: «Истинная идея (ибо мы обладаем истинной идеей) есть нечто, отличное от своего содержания (объект – ideatum), одно дело – круг – идея круга»), а другая идея об идеях и т. д. У этого круга нет начала, а источник отдельных идей берется из всех других наших взаимоопределяющих идей. *Spinoza B. Tractatus de intellectus emendatione, et de via qua optime in veram rerum cognitionem dirigitur*, London, Duckworth & co, 1899, p. 33.

чем критерий, предлагаемый традиционной теорией корреспонденции, которая обращает внимание только на отношение между субъектом и объектом. Требуется, таким образом, не фиксированное отношение между предметом истины и представлением о нем, а согласованность между предметом истины с *пониманием* его языкового выражения и со стороны передающего, и по отношению к воспринимающему. Этому абстрактному треугольнику нужно преодолеть текучесть реки конкретных языковых выражений, чтобы она не унесла его с собой и тем самым не поглотила его рациональную истинность. Неоднозначность языковых выражений связана с их смысловым контекстом, ситуативно определяющим их значение. Значение, иными словами, всегда определяется смыслом конкретного неповторимого контекста. Универсальная, абстрактная однозначность формальных высказываний рациональной философии неизбежно растворяется в потоке индивидуальных, конкретных интенциональных смыслов. Не только красота, как замечено Франком, но и смысл вообще – неанализируемое целое. Лингвистически говоря, значение всех высказываний находится в сфере дейиксисы, в том числе аподиктических высказываний, которое обуславливает то, что «Niemals noch hängt sich die Wahrheit an den Arm eines Unbedingten» (пер. с нем.: «Никогда еще истина не прилеплялась к руке безусловного»)²⁴.

---

²⁴ Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. Naumann, Leipzig 1891, S. 37.

Понятие *отождествляется по-другому* в рамках нового смыслового контекста, в которое понятие входит, но благодаря *внешнему постоянству* на уровне знаков, изоморфизм обозначенного предмета понятия может восприниматься в качестве совершенного понятийного тождества в рамках различных смысловых контекстов. Так или иначе, в основе понятий (индивидуальных и универсальных) лежит понятийная универсализация индивидуального понимания. Индивидуальное понятие является, таким образом, результатом универсализации отождествления предмета понятия, но *из-за неповторимости смысловых контекстов нет тождества, превосходящего изоморфизм*. Абсолютное отождествление носит неуловимый характер бесконечности. Можно уподоблять абсолютное тождество точке фиксации бесконечности, где смысловой контекст образует элемент бесконечного ряда, при том что рассмотрение смыслового контекста порождает возникновение нового смыслового контекста. Отождествление создает всегда нечто новое, дотоле неведомое, что затем сопоставляется с предметом отождествления, в результате чего образуется нечто третье и т. д.

Наша неспособность однозначно выделить определенное понятийное поле подобна нашему непреодолимому затруднению четко выделить некое определенное поле зрения. Фиксируя взгляд на некоем предмете в рамках центрального поля зрения, мы не в состоянии определить границы четко выделенного зрительного объекта или даже части объек-

та, что, впрочем, тоже является определенным объектом, будучи частью более сложного объекта. Пытаясь определить некое минимальное четкое зрительное поле, наш взгляд переходит с одного зрительного элемента на его окружение, которое тут же приобретает новые выделенные контуры, и мы можем лишь констатировать, что мы просто не в состоянии остановиться на чем-то четко определенном. Все, на чем пытается задержаться наш взгляд, ускользает, сливаясь со своим окружением, которое привлекается для неустанного процесса выделения минимального, четко определенного зрительного поля. Это подтверждает следующее высказывание Г. В. Ф. Гегеля: «Etwas mit seiner immanenten Grenze gesetzt als der Widerspruch seiner selbst, durch den es über sich hinausgewiesen und getrieben wird, ist das *Endliche*»²⁵ (пер. с нем.: «Нечто вместе со своей имманентной границей, полагаемое как противоречие самому себе, в силу которого оно выводится и гонится дальше себя, есть *конечное*»). *Нет четкой грани между частью и целым в связи с тем, что мы не можем точно определить первую на фоне второго, поглощающего первую*, обстоятельство, которое лежало в основе онтологии Плотина и гегелевской диалектики: «В здешнем мире одна часть возникает из другой, и каждая есть только часть, там же каждое истекает всегда из целого, и есть одновременно и часть и целое: оно преподносится как часть, но

---

²⁵ Hegel. G. W. F. Wissenschaft der Logik, Band 1, Philipp Reclam jun. Leipzig, S. 152–153.

обнаруживается, как целое, острому взору [...]»²⁶. «Zunächst ist das Übergehen und Beschaffenheit ineinander das Aufheben ihres Unterschiedes; damit ist das Dasein oder Etwas überhaupt gesetzt, und indem es aus jenem Unterschiede resultiert, der das qualitative Anderssein ebenso in sich befaßt, sind zwei Etwas, aber nicht nur Andere gegeneinander überhaupt so daß diese Negation noch abstrakt wäre und nur in die Vergleichung fiele, sondern sie ist nunmehr als den Etwas *immanent*. Sie sind als *daseiend* gleichgültig gegeneinander, aber diese ihre Affirmation ist nicht mehr unmittelbare, jedes bezieht sich auf sich selbst *vermittelt* des Aufhebens des Andersseins, welches in der Bestimmung in das Ansichsein reflektiert ist»²⁷ (пер. с нем. «Переход определения и свойства друг в друга – это прежде всего снятие их различия; тем самым положено наличное бытие или нечто вообще, а так как оно результат указанного различия, заключающего в себе также и качественное инобытие, то имеются два нечто, но не только вообще иные по отношению друг к другу – в таком случае это отрицание оказалось бы еще абстрактным и относилось бы лишь к сравнению их [между собой] – теперь это отрицание имеется как *имманентное* этим нечто. Как *налично сущие* они безразличны друг к другу. Но это утверждение их уже не есть непосредственное, каждое из них соотносится с самим собой

---

²⁶ Плотин. V 8, 4.

²⁷ Hegel. G. W. F. Wissenschaft der Logik, Band 1, Philipp Reclam jun. Leipzig, S. 148.

через посредство снятия того инобытия, которое в определении рефлексировано во в-себе-бытие»).

В этимологическом плане сходная мысль содержится в следующем выражении Хайдеггера: «Diese „Relationen“ und „Relate“ des Um-zu, des Um-willen, des Womit einer Bewandnis widerstreben ihrem phänomenalen Gehalt nach jeder mathematischen Funktionalisierung; sie sind auch nichts Gedachtes, in einem „Denken“ erst Gesetztes, sondern Bezüge, darin besorgende Umsicht als solche je schon sich aufhält. Dieses „Relationssystem“ als Konstitutivum der Weltlichkeit verflüchtigt das Sein des innerweltlich Zuhandenen so wenig, daß auf dem Grunde von Weltlichkeit der Welt dieses Seinde in sinem „substanziellen“ „An-sich“ allererst entdeckbar ist»²⁸ (пер. с нем.: «Эти „релятивности“ и „корреляты“ имения-дела с его для-того-чтобы, ради-чего, с-чем противятся по своему феноменальному содержанию всякой математической функционализации; они и не нечто помысленное, установленное лишь в „мышлении“, но отношения, в каких озаботившееся усмотрение всегда уже держится. Эта «релятивная система» как конститутив мирности настолько не испаряет бытие внутримирно подручного, что только на основе мирности мира это сущее в своем «субстанциальном» «по-себе» и может быть открыто»).

Из-за охарактеризованной выше взаимообусловленности выделенных понятийных элементов невозможно определить

---

²⁸ Heidegger M. Sein und Zeit, Tübingen. Max Niemeyer Verlag. 2001, S. 88.

некие первичные общности или элементарные пропозиции. Эту фундаментальную понятийную взаимообусловленность можно охарактеризовать при посредстве шопенгауэровского описания эпистемологической основы суждения пространственных положений вещей: «Alle möglichen relativen Räume sind Figuren, weil sie begrenzt sind, und alle diese Figuren haben wegen der gemeinschaftlichen Grenzen ihren Seinsgrund eine in der andern. Die series rationum essendi [Reihe der Gründe des Seins] im Raum geht also wie die series rationum fiendi [ins unendliche], und zwar nicht nur wie jene nach einer, sondern nach allen Richtungen»²⁹ (пер. с нем.: «Все возможные относительные пространства суть фигуры, ибо они ограничены, а все эти фигуры имеют из-за общности границ свое основание бытия одна в другой. Series rationum essendi в пространстве, как и series rationum fiendi, идут in infinitum, и не только, как последняя, в одном направлении, но по всем направлениям»). При попытке их выделения мы сталкиваемся с нераздельной целостностью понятийной парадигмы языка, который подобно паутине или поверхности воды претерпевает изменения по всей своей мимолетной структуре подобно знакам, писанным вилами по воде. Все наши понятия, видоизменяясь, неуловимо простираются по всей языковой системе. Иными словами, речь идет не о какой-либо опреде-

---

²⁹ Schopenhauer A. Sämtliche Werke, Kleinere Schriften, «Über die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde». Stuttgart/Frankfurt am Main, Cotta-Insel Verlag, 1962, S. 160.

ленной первичности с отчетливыми понятийными контурами, а о динамичной паутинообразной структуре в неустанном движении. В этой связи на ум приходит вопрос, сформулированный Ницше: «Alle Wahrheit ist einfach. – Ist das nicht zwiefach eine Lüge?»³⁰ (пер. с нем.: «Всякая истина проста. – Разве это не двойная ложь?»).

Выделение первичности подразумевает наличие вертикальной структуры, претерпевающей лишь иерархические изменения, что можно сравнить с ростом по карьерной лестнице, когда одна должность *сменяется* другой с более сложными структурными чертами, объемлющими предыдущие в рамках новой должности. Но в данном случае картина больше похожа на научно-эволюционное дерево живых организмов, *переходящих* в новые формы, которые в своей беспрерывной текучести являются предметами для условного определения биологии, пользующейся родовыми понятиями для размежевания рас, видов, семейств, отрядов, классов, типов, царств и доменов. Аналогичная задача научной классификации проводится лингвистами при определении диалектов, языков, языковых подгрупп и групп, ветвей и семей. Точного начала и конца здесь нет. В эпистемологическом смысле все подобные словесные концепции остаются неопределенными инструментальными выражениями. Несмотря на это, мы все-таки можем обмениваться знанием в форме опреде-

---

³⁰ Nietzsche F. Leipzig, Götzen-Dämmerung oder wie man mit dem Hammer philosophirt. Alfred Kroner Verlag, 1922, S. 3.

ленных понятий. Создается впечатление, что мы говорим об одном и том же и что на уровне коммуникации достигается согласие. Спрашивается в связи с этим, как нам вообще удастся совершать понятийное отождествление?

§ 1.2.1 Понятийная подлинность и роль коммуникации

До тех пор, пока не осуществлено понятийное выделение, картину мира можно было бы описать следующими словами Николая Кузанского: «*Quia igitur maximum absolute est omnia absolute actu, quae esse possunt, taliter absque quacumque oppositione, ut in maximo minimum coincidat, tunc super omnem affirmationem est pariter et negationem. Et omne id, quod concipitur esse, non magis est quam non est; et omne id, quod concipitur non esse, non magis non est quam est. Sed ita est hoc, quod est omnia, et ita omnia, quod est nullum; et ita maxime hoc, quod est minime ipsum*»³¹ (пер. с лат.: «Так как абсолютный максимум непременно содержит действительно все вещи, какие только могут быть вне какой бы то ни было противоположности, то минимум совпадает с максимумом; равным образом максимум находится и над всяким утверждением, и над всяким отрицанием. Всё то, что мыслится несуществующим, есть и не есть в одинаковой степени. Но

---

³¹ *Cusanus N. Doctae Ignorantiae. Livre I, Capitulum IV, Maximum absolutum incomprehensibiliter intelligitur; cum quo minimum coincidit.*

тогда всякий отдельный предмет оказывается бытием всех соединенных вместе вещей, и все собранные воедино вещи оказываются ничем, и то, что есть в максимуме, существует одновременно и в минимуме»).

Понятийное соединение «пата» («имя») и «гура» («форма») в индийской религиозно-философской традиции может оказаться выражением случайного образования пар из двух мыслительных категорий без прямой логической связи, но именно *своим названием предмет оформляется как таковой в общественной среде* после того, как предмет выделился как отдельное понятие. Интересно себе представить мир человека, который всю жизнь жил совершенно обособленно от других людей и их произведений культуры в широком смысле, без доступа к общему выделенному миру и, соответственно, не был приобщен к языку, который «[...] ist die allumfassende Vorausgelegtheit der Welt»³² (пер. с нем.: «[...] есть всеохватывающая предистолкованность мира»). Такому человеку пришлось бы самому совершать всё понятийное выделение и для себя конституировать весь мир с нуля. Лишь у такого человека *результат интерпретации уже интерпретированного другими людьми* не является понятийным миром, как у всех коммуницирующих людей, приобщенных к некому социуму, у которых «Die Welt des Daseins ist Mitwelt. Das In-sein ist Mitsein mit Anderen. Das innerwelt-

---

³² Gadamer H. G. Begriffsgeschichte als Philosophie, Kleine Schriften, J. C. B. Mohr, Tübingen, 1972, S. 237.

lische Ansichsein dieser ist *Mitdasein*»³³ (пер. с нем.: «Мир присутствия есть *совместный-мир*. Бытие в мире есть *со-бытие* с другими. Внутримирное по-себе-бытие есть сопри-сутствие») и у которых «Auch das Alleinsein des Daseins ist Mitsein in der Welt»³⁴ (пер. с нем.: «Одиночество присутствия есть тоже событие в мире»). Его понятийный мир стал бы лишь *интерпретацией собственных интерпретаций в результате создания понятий на основе понятийных элементов, им самим выделенных*.

Само понятие как таковое – *попытка останавливать движение бытия, но лишь с помощью этого же движения понятие может образовываться*. Русское «понятие», немецкие «*Auffassung*», «*Begriff*», английское «*conception*», французское «*comprehension*», итальянское «*comprensione*» и аналогичные индоевропейские варианты со своими соответствующими глагольными ипостасями: «*понимать*»,

---

³³ Heidegger M. Sein und Zeit, Tübingen. Max Niemeyer Verlag. 2001, S. 118.

³⁴ Ibid, S. 120.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.